

ПРАВОСЛАВИЕ И ЦЕРКОВЬ

М. В. Печников

К ИЗУЧЕНИЮ СОБОРНЫХ ПРАВИЛ 1273 г.

Источниковедческое изучение памятников церковной истории и введение их в общеисторический контекст, начатое еще в дореволюционной историографии, остается актуальной задачей современной науки. Данная статья посвящена некоторым спорным вопросам, связанным с правилами церковного собора, состоявшегося при митрополите Киевском и всея Руси Кирилле II (1246/1247–1281 г.). Этот памятник, предоставляющий возможность проникнуть в проблемы русского церковного общества XIII в., довольно хорошо известен и неоднократно привлекался историками, хотя специальные его исследования предпринимались редко.

Старший список соборных правил относится уже к концу XIII в. (новгородская Синодальная кормчая 1285–1291 г. ГИМ. Син. № 132. Л. 539 б – 546 в). В его заглавии читаем: **Правило Кюрила, митрополита роуьскаго, съшедьшихса кпископъ: Далмата Нооугородьского, Игнатъа Ростовьского, Феогноста Переяславьского, Симеона Полотьскаго, на поставленник кпископа Серапиона Володимирскаго**¹. В Кормчих Русской редакции «Правило Кюрила» имеет Введение и шесть статей (в позднейших редакциях Мясниковского и Чудовского типов добавлены еще две, принадлежность которых изначальному тексту сомнительна)².

О месте и времени проведения собора в самом источнике ничего не сообщается. Тем не менее вопрос о том, когда и где состоялись хиротония Серапиона и утверждение соборных правил, долгое время считался в исторической науке решенным. Исходя из летописной даты (6782 г.) сообщения о поставлении Серапиона (см. ниже) и того, что архиереи сошлись на поставление епископа Владимирского, историки датировали собор 1274 г., а местом его проведения считали Владимир Залесский³. Лишь Я. Н. Щапов (1978 г.) усомнился в традиционной дате и месте его проведения. По мнению исследователя, на самом деле собор состоялся в 1273 г. и, скорее всего, в Киеве⁴.

С мнением Я. Н. Щапова о времени созыва собора нельзя не согласиться. Действительно, еще Н. Г. Бережков в своей работе убедительно показал, что указанный в заголовке «Правила»

¹ РИБ. СПб., 1908. Т. 6. Изд. 2-е. № 6. Стб. 83–84.

² См.: Щапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII в. М., 1978. С. 181.

³ См., например: Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1992. Т. 4. С. 74; РИБ. Т. 6. Стб. 83–84 (А. С. Павлов); Макарий (Булгаков), митр. История русской церкви. М., 1995. Т. 3. С. 183, 240; Голубинский Е. Е. История русской церкви. М., 1900. Т. 2. Пол. 1. С. 65–67; Клибанов А. И. Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI в. М., 1960. С. 96–99.

⁴ Щапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII в. С. 181–184. Данную точку зрения поддержал А. Поппэ (Поппэ А. В. Митрополиты Киевские и всея Руси (988–1305 г.) // Щапов Я. Н. Государство и Церковь в Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 205; *Его же*. Митрополиты и князья Киевской Руси // Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237). СПб., 1996. С. 469).

новгородский архиепископ Далмат умер 21 октября 1273 г.⁵ Следовательно, если собор состоялся в 1274 г., то этот новгородский владыка принимать участия в нем не мог. В конце XIII в., когда была составлена Синодальная кормчая, еще, конечно, прекрасно помнили персональный состав участников собора, и сомневаться в точности сведения заголовка об участии в соборе именно Далмата, а не другого новгородского архиерея оснований не имеется. Единственным исследователем, который до Н. Г. Бережкова в качестве даты собора называл 1273 г. (но местом его проведения считал Владимир), был дореволюционный историк Церкви П. П. Соколов⁶, однако его точка зрения не удержалась в историографии.

Возражения вызывает реконструкция Я. Н. Щаповым последовательности событий. В статье 6782/1273–1274 г. Московского свода 1479 г. говорится: «Преставился архиепископ Новгородский Далмат октября 21 в субботу на ночь, а в неделю погребоша и в святѣи Софии. Того же мѣста прииде ис Киева митрополит Кирил и приведе с собою архимандрита Печерьскаго Серапиона и постави его епископом Володимерю, Суждалю и Новугороду Нижнему»⁷. Опираясь на это сообщение, Я. Н. Щапов полагает, что «Далмат умер еще до приезда во Владимир митрополита Кирилла», а поскольку «еще до смерти Далмата преемником ему был избран Климент, посланный затем на поставление в Киев к Кириллу», то «смерть Далмата и поездка Кирилла были в конце январского 1273 г.»⁸. Собственно, исходя из этих соображений исследователь и заключает, что собор, поставивший Серапиона и созванный еще при жизни Далмата, не мог состояться во Владимире, а состоялся раньше. Таким образом, Я. Н. Щапов разделяет во времени собор и приезд Серапиона вместе с митрополитом во Владимир; последнее, по мнению ученого, означает просто «вступление Серапиона в исполнение своих функций во Владимире»⁹.

Согласно Я. Н. Щапову, собор происходил, скорее всего, в Киеве летом или в начале осени 1273 г. Исследователь отмечает, что отсутствие в заголовке «Правил» «указания на какое-то особое, отличное от традиционного Киева, место проведения собора могло бы быть свидетельством, что собор был в традиционном центре митрополии»¹⁰. Но этот аргумент в пользу Киева представляется явно недостаточным. Заголовок связывает собор с местом пребывания митрополита (именно к нему, очевидно, «сошлись» епископы), но считать таковым обязательно Киев применительно ко времени Кирилла II невозможно, поскольку летописи фиксируют его посещения различных городов своей митрополии, в основном находящихся в Северо-Восточной Руси¹¹.

⁵ Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 288; ср.: Там же. С. 344. Статью 6782 г. Новгородской I летописи (Новгородская первая летопись старшего и младшего извода / Подг. А. Н. Насонов. М.; Л., 1950. С. 288) он определяет как мартовскую, поскольку 21 октября приходилось на субботу (день смерти Далмата) именно в 1273 г.

⁶ Соколов П. П. Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV в. Киев, 1913. С. 174. П. П. Соколов полагал, что собор состоялся в сентябре 6782/1273 г., поскольку считал стиль, используемый НПЛ, сентябрьским.

⁷ ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 151.

⁸ Щапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII в. С. 182–183.

⁹ Там же. С. 184.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: Поппэ А. В. Митрополиты и князья Киевской Руси. С. 468–470. По справедливому наблюдению А. В. Поппэ, «особый владимирский епископ не был нужен до тех пор, пока Владимир использовался Кириллом в качестве временного местопребывания» (Там же. С. 471). Поэтому летописные сообщения следует понимать так, что в 1273 г. Кирилл ездил за Серапионом из Владимира в Киев и обратно. Однако это не значит, что митрополит решил после поставления печерского монаха в епископы навсегда вернуться в номинальный центр митрополии. Действительно, в 1275–1276 г. летопись фиксирует пребывание митрополита в Киеве, где он поставляет епископов Новгородского (Климента) (НПЛ. С. 323) и, видимо, там же — Владимирского (Феодора) (Приселков М. Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. СПб., 2002. С. 333). Однако умирает Кирилл 6 декабря 1280 г. (или 27 ноября 1281 г., см.: Поппэ А. В. Митрополиты Киевские и всея Руси (988–1305). С. 205) в Переяславле Залесском. Переяславль был столицей великого князя Дмитрия Александровича, и именно с этим связано, по видимому, пребывание Кирилла при рассмотрении дела ростовского епископа Игнатия именно в этом городе, а не в Ростове. Как показал А. Е. Мусин, в 1250 г. «резиденция киевского митрополита естественным образом вслед за государственной властью de facto переместилась из Галича во Владимир», для чего имелись веские канонические основания, предполагающие, что глава Церкви должен находиться там, где располагается реальный центр светской власти (см.: Мусин А. Е. Древнерусское

Кроме того, Я. Н. Щапов обращает особое внимание на то, что «летописи северо-восточного происхождения, сообщающие о приезде Кирилла и Серапиона во Владимир, ничего не говорят о приезде в него других иерархов и соборе в этом городе»¹², приводя в качестве обратного примера сообщения о пребывании епископов в Переяславле во время смерти там митрополита Кирилла¹³. Но даже это не может свидетельствовать о состоявшихся там соборных заседаниях, прямо о которых ничего не говорится. В 1280/1281 г. Кирилл прибыл в Суздальскую землю для рассмотрения дела ростовского епископа Игнатия (участника собора 1273 г.). Об участии в этом собора епископов не сообщается. Только позднее говорится о прибытии в Переяславль новгородского владыки Климента, но не к митрополиту, а к великому князю Дмитрию Александровичу «о мирѣ от новгородцевъ». Таким образом и оказалось, что при смерти Кирилла в Переяславле было три епископа: Климент, Игнатий, дело которого рассматривал митрополит, и епископ Владимирский Феодор, принимавший на территории своей епархии митрополита¹⁴. Следует заметить, что в летописях не сообщается даже о таком крупном событии начала XIV в., как церковный собор в Переяславле Залесском, на котором рассматривалось дело митрополита Петра.

Если цитированная выше статья 6782/1273–1274 г. Московского свода 1479 г. как будто напрямую подтверждает последовательность событий, предполагаемую Я. Н. Щаповым, то в других северо-восточных летописях мы, за единственным исключением, не находим эти события в рамках одной годовой статьи. В Троицкой летописи (отражающей митрополичий свод 1409 г.) в статье за этот год говорится лишь, что «в лѣто 6782 приде митрополитъ Кириль из Кыева, приведе с собою архимандрита Печерьскаго Серапиона, постави его епискупом Ростову, Володимерю и Новугороду»¹⁵. Очень близкие или идентичные варианты той же статьи 6782 г. имеются в других летописях северо-восточного происхождения¹⁶. Лишь в соответствующей статье Ермолинской летописи¹⁷ говорится также и о смерти новгородского архиепископа Далмата. Однако, как показал А. Н. Насонов, статьи Ермолинской летописи до 6925 г. тесно связаны с Московским сводом 1479 г., представляя собой его сокращенное изложение¹⁸. Что касается самого Московского свода 1479 г., то его составитель пользовался довольно широким кругом источников, в том числе летописями недавно присоединенного Новгорода¹⁹. Включенное в него сообщение о смерти Далмата почти дословно совпадает с началом соответствующего сообщения Новгородской I летописи младшего извода, где, в свою очередь, ничего не говорится о приезде Серапиона и Кирилла во Владимир²⁰. Таким образом, в своде 1479 г. мы видим произвольное

общество, епископат и каноническое право в XII–XIV вв. // *Miscellanea Slavica*: Сб. ст. к 70-летию Б. А. Успенского. М., 2008. С. 359). Поэтому следует полагать, что необходимость поставления владимирского епископа была вызвана тем, что в это время Владимир Залесский перестал быть фактическим центром великокняжеской власти, который перемещался то в Тверь, то в Кострому, то в Переяславль Залесский. Исходя из этого пребывание Кирилла в Киеве можно объяснить обязанностью митрополита посещать города своей епархии, среди которых Киев, конечно, занимал особое место.

¹² Щапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII в. С. 183. Из всех летописей впервые прямо называет Владимир местом поставления Серапиона лишь позднейший Никоновский свод (ПСРЛ. СПб., 1885. Т. 10. С. 152).

¹³ Приселков М. Д. Троицкая летопись. С. 338.

¹⁴ Там же. С. 337–338.

¹⁵ Там же. С. 332. Следует отметить, что приведенный текст имеет явные искажения: уже Н. П. Карамзин, приведя эту цитату из Тр., обратил внимание, что в сообщении должен иметься в виду Нижний Новгород; упоминание Ростова вызвало у него удивление, поскольку епископом там был в то время Игнатий (Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 4. С. 231. Прим. 153). По-видимому, первоначальный текст северо-восточного источника отразился именно в своде 1479 г. (о Ростове там ничего не говорится, Новгород определенно называется Нижним, входившим впоследствии в одну епархию с Суздалем).

¹⁶ Во Владимирском летописце говорится о поставлении Серапиона епископом «Ростову и Володимерю» (ПСРЛ. М., 1965. Т. 30. С. 95), в Симеоновской — «Ростову, Володимерю и Новугороду» (ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 74; ПСРЛ. СПб., 1919. Т. 23. С. 89).

¹⁷ ПСРЛ. Т. 23. С. 89.

¹⁸ Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII в. М., 1969. С. 260–262.

¹⁹ См.: Лурье Я. С. Летописный свод Московский великокняжеский 1479 г. // Словарь книжников и книжности Древней Руси. М., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 32–33.

²⁰ Ср.: «В лѣто 6782. Преставися архиепископ Далмат новгородчкыи, мѣсяца октября в 21, в субботу, в 1 час нощи; а завтра в недѣлю погребен бысть честно...» (НПЛ. С. 322).

объединение позднейшим московским летописцем в одной годовой статье сообщений двух летописных традиций — северо-восточной и новгородской. При этом совершенно очевидно, что истинной последовательности событий сводчик конца XV в. знать не мог и данная статья не может служить подтверждением гипотезы Я. Н. Щапова²¹.

Нельзя не отметить противоречие между предположением Я. Н. Щапова о «настоловании» (вступлении в должность) Серапиона во Владимире после хиротонии в Киеве и прямым сообщением памятников северо-восточного летописания, согласно которым Кирилл привел с собой из Киева не епископа, а архимандрита и только затем его «постави». Между тем слово «постави» не предполагает других действий высшего церковного иерарха в отношении низшего, кроме хиротонии²².

Наконец, состав архиереев, собравшихся на поставление Серапиона, также скорее указывает не на Киев, а на Север Руси как на место проведения собора (это владыки новгородский, ростовский, полоцкий — он же с 1271 г. тверской). Единственный представитель Южной Руси — переяславский епископ Феогност (он же с 1269 г. был главой новоучрежденной в 1261 г. Сарайской епархии²³). Для собора, происходящего в Киеве, трудно предположить отсутствие на нем большей части южнорусского епископата. Даже если то, что в источниках не содержится сведений с конца 30-х по 70-е годы XIII в. о владыках таких домонгольских епархий, как Черниговская, Владимиро-Волынская, Галицкая, Луцкая, Туровская (а также Смоленская и Рязанская), свидетельствует о временном исчезновении самих этих епархий как таковых (что маловероятно, поскольку Северо-восточная Русь, архиереи которой присутствовали на соборе, подверглась не меньшему разорению от монголов, чем Южная и Юго-западная), то это нельзя сказать о епископах Перемышльском и Холмском, которые известны в период святительства Кирилла II²⁴. Таким образом, имеющиеся сведения позволяют сделать вывод, что акт хиротонии киево-печерского архимандрита Серапиона во епископа, а следовательно, и собор высших церковных иерархов, принявший «Правила», имел место во Владимире Залесском.

Во Введении к соборным правилам от лица митрополита говорится: «многа оубо видѣниѣмъ и слышаниѣмъ неустроѣниѣмъ церквахъ, ѡво сице държаща, ѡво инако, несъгласїа много и грубости, или неустроѣниѣмъ пастоушьскымъ, или ѡбычаѣмъ неразумїа, или неприхожениѣмъ ꙗпископ, или ѡ неразумныхъ правилъ церковныхъ. Помрачени бо бѣахоу преже сего ѡблакомъ моудрости

²¹ Определенный интерес представляет одна из кратких записей летописного характера, сделанных в пергаменной рукописи ГИМ. Син. № 325, представляющей собой богослужебный сборник с пасхальными таблицами, принадлежавший ранее новгородскому архиепископу Василию Калике и датирующийся 1340–1352 г. К этому же времени относятся краткие летописные записи на л. 192 об. Опубликовавший их Т. В. Гимон отмечает, что сообщение за 6783 г. — «самая таинственная из всех записей» в кодексе, она «представляет собой последовательность букв, по-разному читавшуюся разными публикаторами» (Гимон Т. В. Летописные записи на пасхальных таблицах в сборнике XIV в. // ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 583). По обоснованному мнению исследователя, запись однозначно читается как «СЕРЕПЪЗ». При этом Т. В. Гимон высказывает осторожное предположение, что «в записи речь идет о ростовском епископе Серапионе», о котором упоминает Троицкая летопись (Там же. С. 583–584). Мысль исследователя мне представляется верной (с одним уточнением — Серапион был поставлен не в ростовские, а во владимирские епископы, и Троицкая летопись в данном случае неточна). В записях в кодексе до 6821 г. включительно Т. В. Гимоном отмечен «определенный способ сокращения слов — посредством усечения конечных букв» (Там же. С. 575). На мой взгляд, запись (вернее, ее смысл) можно реконструировать следующим образом: «Сер(апиона) еп(ископа) з(бор постави)». Во всяком случае, определение двух первых слов мне представляется очень вероятным. Сообщения до указанного внутреннего рубежа носят общерусский характер, и Т. В. Гимон предполагает не новгородское, а тверское их происхождение. Предложенная трактовка записи этому не противоречит, поскольку собор 1273 г. имел именно такой характер и в нем участвовал тверской (он же полоцкий) епископ. Дата записи (6783 г.) смущать в данном случае не должна, поскольку «вероятно... что записи за 70–80-е годы XIII века сделаны не в эти годы, а позже — скажем, в 90-е годы того же столетия, когда восстановить по памяти точную хронологию событий уже было невозможно» (Там же. С. 577). Поэтому датировку сообщения 6783 г. следует считать условной.

²² См.: Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. 2. Ч. 2. Стб. 1256–1257.

²³ ПСРЛ. Т. 18. С. 73. По мнению П. П. Соколова, Феогност представлял из себя «что-то вроде викария Кирилла» (Соколов П. П. Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV в. С. 175).

²⁴ Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб., 1877. Стб. 1041 (еп. Авраамий Перемышльский, 1271), 1045 (Иоанн, еп. Холмский, 1260, 1261).

клиньскаго языка, нынѣ же облисташа, рекше истолкованы быша и благодатью Божию ясно сияють...»²⁵. По достаточно обоснованной трактовке этого фрагмента, утвердившейся в историографии, во Введении говорится об официальном принятии Русской митрополией Сербской кормчей, легшей в основу Кормчей Русской редакции (работа над ней началась до Собора, а окончательное оформление произошло вскоре после него)²⁶. Далее говорится о том, что на соборе по инициативе митрополита рассматривались церковные проблемы (по контексту — в свете канонического права): **Нынѣ же азъ помыслихъ съ свѣтлымъ съборомъ и съ преподобными кпископы некако ѡ церковныхъ вещехъ испытаник известно творити**²⁷.

Примерно половину всего текста занимает 1-е правило — о продаже священного сана. Объем его относительно других статей столь велик, что, по мнению дореволюционного историка Церкви П. П. Соколова, «все остальные правила являются лишь дополнением к нему, касаются второстепенных вопросов, сравнительно и притом вовсе не требовали... соборного обсуждения»²⁸. Последнее утверждение, конечно, спорно, поскольку остальные статьи касались новых порядков в богослужбной практике, которые Кирилл хотел распространить на всю митрополию (см. ниже), но второстепенный их характер в данном памятнике, действительно, совершенно очевиден. Ключевое значение для понимания памятника в целом и обстоятельств его появления имеет 1-е правило.

В его начале говорится: **Приде бо въ слоухы наша, тако нѣции ѿ братиа нашего дързноуша продати свѣщенн санъ, и причитати га къ церквамъ, и взимати ѿ нихъ некая «оуроки» глаголемыа. И забыша правила реченаго свѣтыхъ апостолъ и преподобныхъ штец нашихъ**²⁹. Далее приводятся церковные каноны, по которым поставляющий и поставленный на мѣздѣ подлежат отлучению, фрагменты Священного Писания о невозможности продажи благодати, а также постановление самого собора русских архиереев с тем же категоричным решением: **прочек ѿ сего времени аще кто гавитьса ѿ свѣтого нашего свора, или нгоумена въ нгоуменьство, емла ѿ него что, свѣцага на мѣздѣ, рекомек «посошнок», или постризага мирскаго попа на мѣздѣ въ нгоуменьство, или попа поставлеть къ церкви, кмла оу него что, да боудѣтъ изверженн; ходатанствѣющии же да боудѣтъ проклати**³⁰. Однако заканчивается данная статья «Правила» другого рода постановлением (оно следует в конце фрагмента о необходимости испытания кандидатов в священники и диаконы): **Не взимати же оу нихъ ничтоже, развѣ такоже азъ оуставихъ въ митрополни, да боудеть се въ всехъ кпископахъ: да възмоутъ клирошане 3 гривень ѿ поповства и ѿ дьяконства ѿ шбожго**. После этого говорится об отлучении лишь тех, кто берет по оуставѣ нашемъ боле сего³¹. Отмеченное противоречие заставляет подозревать вставку в изначально составленный текст, причем внесенную самим митрополитом.

²⁵ РИБ. Т. 6. Стб. 85.

²⁶ Цапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII в. С. 163–185; Полознев Д. Ф., Флоря Б. Н., Цапов Я. Н. Высшая церковная власть и ее взаимоотношения с государственной властью (X–XVII вв.) // Православная энциклопедия: Русская Православная церковь. М., 2000. С. 195.

²⁷ РИБ. Т. 6. Стб. 86.

²⁸ Соколов П. П. Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV в. С. 176.

²⁹ РИБ. Т. 6. Стб. 86.

³⁰ Там же. Стб. 89.

³¹ Там же. Стб. 92. В данной статье Кирилл следовал правилу константинопольского патриарха Алексия Студита (1025–1043 г.) (подтвержденному законодательством византийских императоров второй половины XI в. Исаака и Алексея I Комнинов), согласно которому ставленническая пошлина ограничивалась 7 золотыми монетами (иперпирами), причем одна монета бралась за поставление в чтецы и по три — за поставление в диаконы и священники (Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. Т. 2. Пол. 1. С. 69; Соколов П. П. Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV в. С. 177, 206–207). Еще А. С. Павлов указывал, что в некоторых списках Кормчих XV в. определения собора начинаются со 2-й главы, пропуская также и введение, и высказал предположение: «Не было ли это сокращение делом своего рода цензуры, находившей в установленной собором пошлине «от поповства и дьяконства» противоречие вселенским канонам, которыми запрещалась всякая симония?» (РИБ. Т. 6. Стб. 83–84). Я. Н. Цапов поддержал эту гипотезу (Цапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в

Следует отметить, что во Введении митрополит четко отделяет те факты, которым он был непосредственным свидетелем («видѣние»), и получаемую им информацию («слышание»). Поэтому начало правила 1-го («приде бо в слоухы наша») дает основание для предположения, что за некоторое время до собора митрополит получил сведения с указанием церковных нестроений. Вероятно, это заставило его заранее расширить программу соборных мероприятий, включив в нее, помимо хиротонии Серапиона, обсуждение насущных проблем, касающихся канонических, богослужебных и прочих вопросов. От кого же Кирилл II получил сведения, повлиявшие на программу собора, и против кого они могли быть направлены?

Формально ставленническая пошлина, установленная митрополитом Кириллом, предназначалась, судя по приведенному тексту, не собственно архиерею, а «клирошанам», т. е. собору духовенства при архиерее. Они, вероятно, и называются в начале 1-го правила **нѣции ѿ вратниа нашеа**. Однако рукоположение священников и взимание церковных пошлин относились к архиерейским полномочиям, поэтому данное правило не могло не касаться напрямую того или иного епископа. Однако, как заметил А. С. Павлов, если в «Правиле Кюрила» толкование на 2-е правило Халкидонского (IV Вселенского) Собора 451 г. читается без упоминания епископа (**аще кто коупити и продактъ поставленик, и аще ключаря церковнаго поставити на мьздѣ, в своємъ степени вѣдоу прииметь, рекше да извержеться**)³², то в той же Синодальной кормчей, в составе которой дошел старший список памятника, толкование это читается немного по-другому, в более полном виде: **Аще которыи епископъ поставити кого на мьздѣ, или епископа, или прозвугтера или дьякона... и т. д.**³³ Упоминания епископов, как мы видим, в «Правиле Кюрила» намеренно исключены. Это, на наш взгляд, связано с компромиссным характером окончательного варианта данной статьи, о причинах чего см. ниже. Однако в той части, которая касается необходимости поставления только достойных кандидатов в священство, архиереи упоминаются прямо: **епископи же, кгда хотатъ поставити попа или дьякона, да истажють житык юго...**³⁴

Исследователями, обращавшимися к рассматриваемому памятнику, неоднократно отмечалось, что их обоснование строится на примерах, взятых из жизни лишь одной епархии — Новгородской. На церковные «неустроения», имеющие место быть в Новгородской земле, указывает половина статей «Правил Кюрила». При этом в тексте не содержится прямых указаний на то, что Кирилл мог воспользоваться сведениями, имеющими иное региональное происхождение (пр. 1-го: **приде во въ слоухы наша...**; пр. 2-го: **понеже оувѣдѣхомъ...**; пр. 3-го: **паки же оувѣдѣхомъ...**; пр. 4-го: **паки шверѣтохомъ въ предѣлѣхъ новгородскихъ...**; пр. 5-го: **понеже оувѣдѣхомъ въ тѣхъ же странахъ...**; пр. 6-го: **паки же оувѣдѣхъмъ въ тѣхъ же странахъ...**; пр. 7-го, отсутствующего в старших списках: **и се слышахомъ: в прѣдѣлѣхъ новгородскихъ...**³⁵). Во всяком случае, начало 4-го правила можно понимать в том смысле, что и в предыдущих правилах имелась в виду Новгородская епархия³⁶. Действительно, новгородско-псковские параллели, зафиксированные в памятниках церковно-учительной литературы, имеются и ко 2-му правилу, посвященному, в частности, недопустимости обливательного крещения³⁷, и к

XI—XIII в. С. 182—183), дополнительно аргументировав ее тем, что во введении имеются следы использования южнославянского списка Сербской кормчей еще до составления ее компиляции с Ефремовской кормчей, что заставляет предполагать одновременность введения собору 1273 г.

³² РИБ. Т. 6. Стб. 87.

³³ Там же. Прим. 6; ГИМ. Син. № 132. Л. 119 об. — 120.

³⁴ РИБ. Т. 6. Стб. 89.

³⁵ Там же. Стб. 85, 86, 93, 95—99.

³⁶ В данном случае не подходит вариант: «паки обретохом: в пределех новгородскихъ...», поскольку далее говорится: «дьяконы емлюща божественны агньц», а не «емлют».

³⁷ Совершение обливательного крещения запрещалось в поучении, которое приписывается новгородскому архиепископу Илье (Иоанну) и гипотетически было датировано А. С. Павловым 1166 г. (См.: РИБ. Т. 6. Дополнения. № 2. Стб. 359—360).

3-му правилу, запрещающему ритуальные бои между горожанами в дни церковных праздников³⁸. Что касается симонии (продажи духовного сана), рассматриваемой в 1-м правиле, то вопрос о ней являлся центральным в критике духовенства, в том числе и высшего, новгородско-псковскими стригольниками XIV–XV в.³⁹

Итак, информация, полученная Кириллом, по большей части, если не вся, исходила из Новгорода. П. П. Соколов на этом основании сделал вывод, что и в начале 1-го правила, осуждающего симонию, завуалированный намек содержится на новгородского архиерея, т. е. на участника Владимирского собора 1273 г. новгородского архиепископа Далмата: «Раз все правила, начиная со второго, направлены против новгородских не порядков, то естественно предположить такое же происхождение и за первым правилом»⁴⁰. С этим можно спорить, поскольку распространенность ставленнических пошлин на всей территории митрополии не была секретом⁴¹. Но, так или иначе, соборные правила 1273 г. в целом (и это представляется несомненным и более существенным) могли дискредитировать именно главу Новгородской епархии. Правило 1-е при этом давало каноническую основу для его сведения с кафедры.

Несомненно, что 1-е правило, даже учитывая его «смягчающее» окончание, задевало интересы всего высшего духовенства, поэтому возможность того, что Кириллу II поступил донос на одного из архиереев со стороны другого епископа/епископов, следует исключить. По Соколову, 1-е соборное правило было «вызвано жалобами новгородского приходского духовенства на злоупотребления архиерейской властью»; объединенные «довольно сильным корпоративным строем», священники предоставили сведения, которые компрометировали Далмата⁴². Но так ли это? Ведь если ограничение в 1-м правиле ставленнической пошлыны и запрет всех остальных под угрозой лишения сана были, несомненно, в интересах рядовых священно- и церковнослужителей, то в ряде других статей «Правил» указаны богослужебные ошибки и порочное поведение именно приходского духовенства (2-е правило направлено против неправильного миропомазания и обливального крещения, 3-е — против отпевания погибших в ритуальных боях, 4-е — против исполнения священнических функций дяконами, 5-е — против пьянства священников, 6-е — против расширительного понимания функций церковнослужителей, ответственность за которых, в конечном счете, возлагается на приходское духовенство⁴³). Кроме того, в самом 1-м правиле речь идет о необходимости поставления достойных кандидатов в священники, т. е. предполагается, что до этого зачастую ставили недостойных. Сомнительно, что сведения о всем этом могли «дойти до слуха» митрополита Кирилла из корпоративной жалобы священства Новгородской епархии или конкретно Новгорода, тем более что определенных сведений о корпоративной солидарности новгородского духовенства (в отличие от псковского) не имеется⁴⁴.

Впоследствии в своих посланиях в Новгород и Псков против этого обычая выступали митрополиты Киприан и Фотий (Там же. № 30. Стб. 240–241; № 33. Стб. 274–275, 283, 496; ср.: Там же. № 12. Стб. 131–132, 136).

³⁸ Архиепископ Илья (или иной автор этого новгородского святительского поучения) обращался к священникам своей епархии: **И про незаконный бой вы, попове, оумайте дѣтний своихъ** (Там же. Дополнения. № 2. Стб. 371). Митрополит Фотий писал в Псков: **Да еще слышанье мое, что дѣи заговевъ великій святый постъ... и простїи дѣи людїе бой и панць стварають и позорница безчиннаа, еже сѣть Богъ мерзькаа и ненавидима** (Там же. № 51. Стб. 538).

³⁹ См., например: Печников М. В. Доктрина стригольников: опыт реконструкции // *Russia mediaevalis*. Tomus X, 1. München, 2001. С. 107–125.

⁴⁰ Соколов П. П. Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV в. С. 178.

⁴¹ Свидетельства о практике взимания ставленнических пошлыны имеются в источниках уже применительно к домонгольскому периоду (см.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 103. С. 160; ПСРЛ. Л., 1926–1928 Т. 1. Стб. 390–391; Древнерусские патерики. М., 1999. С. 21).

⁴² Соколов П. П. Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV в. С. 178.

⁴³ РИБ. Т. 6. Стб. 93–95, 96–98.

⁴⁴ Это отмечал еще А. И. Никитский: *Никитский А. И.* Очерк внутренней истории Церкви в Великом Новгороде. СПб., 1879. С. 75–77.

А. И. Клибанов выдвинул гипотезу, что определения собора «позволяют судить, что созван он был в обстановке подъема антицерковного движения. Это движение возвысило свой протест против духовной иерархии, не только обвиняя ее представителей в симонии... и разоблачая ее корыстолюбие, невежество, пороки и эксплуатацию ею зависимого населения. Оно дополнило свой протест требованием демократизации церковной организации, оказав предпочтение низшему духовенству и в ряде случаев осуществив на практике захват священнических функций мирянами»⁴⁵. По мнению А. И. Клибанова, соборные определения представляют воспроизведение «в качестве положительных требований пунктов наиболее сосредоточенной критики, которую антицерковная оппозиция направляла против духовной иерархии»⁴⁶.

Думается, однако, что серьезных оснований говорить о некоей «антицерковной оппозиции» не имеется. Совершенно очевидно, что митрополит Кирилл не прислушался бы к требованиям людей, настроенных по отношению к Церкви враждебно. Соборные постановления 1273 г. действительно строго запрещают исполнение дьяконами некоторых священнических функций и участие в церковной службе непосвященных, но это не может свидетельствовать о стремления к «демократизации» церкви.

В 4-м правиле говорится, что **въ предѣлѣхъ новгородскихъ дѣяконы кляуца божестьный агньць, и преже поповъ проскоурмисаникъ твораще...** Ссылаясь на каноны, собор постановил: **Ѹселѣ не повелѣваемъ дѣякономъ агньца вынимати, нѣ попомъ. Аще кто вѣращетъся по нашен заповѣди се творѣ, негодованикъ кпископъ мѣста того да извержетъся, аще свѣдакъ; аще ли не вѣсть, проценъ боудеть. Аще ли не покорашеся, нѣ въпреки глаголють, да боудутъ вси изверженн; аще ли люди молвою начнутъ творити, да боудутъ проклати**⁴⁷. В 6-м правиле говорится о новгородской практике, когда неосвященные церковнослужители освящали приносимые к церкви плодonoснѣ, рекше кроупы или коутыя за мертвыя. Соборное определение по этому поводу гласит: **въ всѣхъ церквахъ ни Апостола чисти, ни прокимена пѣти, ни в ѡлтарь входить неосвѣщенномъ. Дѣякъ аже освѣщенъ боудеть, да не прикасаетъ[сѣ] къ [сѣ]соудомъ освѣщенымъ, ни свѣтаго кандила никакоже да не дѣрзнетъ принести, развѣ аще не дѣяконъ или попъ, ни самомоу томоу великомоу подѣякоу. Пономаръ же всѣмъ церквамъ Ѹ чистыхъ да освѣщаютъ, да не боудеть всѣмъ просто входить свѣтый Божий ѡлтарь. Ничтоже да не внесено боудеть в Божий ѡлтарь, ни коутыя, ни ино что Ѹиноудъ**⁴⁸. А. И. Клибанов объяснял указанную практику притязаниями при поддержке народа дьяконов, дьяков и «просто мирян» на функции священников⁴⁹. «Возрастание роли простых мирян в самом процессе богослужения» отмечал и Б. А. Рыбаков, считавший это стихийным новшеством середины XIII в.⁵⁰

На самом же деле совершение проскомидии дьяконами нововведением не было; как отмечено Е. Е. Голубинским, это был «древний церковный обычай, оставшийся в Греции... до времен позднейших»⁵¹. Литургическая норма совершения проскомидии дьяконом наравне со священником была изложена в Студийском уставе и установлена на Руси в первые века после принятия христианства⁵², о чем свидетельствуют разъяснения новгородского архиепископа Ильи (1165–1186 г.) и анонимного белгородского епископа по двум случаям богослужебной

⁴⁵ Клибанов А. И. Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI в. С. 99.

⁴⁶ Там же. С. 97. Точка зрения А. И. Клибанова была поддержана А. С. Хорошевым (*Хорошев А. С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики*. М., 1980. С. 53–54) и В. И. Бугановым (*Буганов В. И., Богданов А. П. Бунтари и правдоискатели в Русской православной церкви*. М., 1991. С. 15–16).

⁴⁷ РИБ. Т. 6. Стб. 96–97.

⁴⁸ Там же. Стб. 98–99.

⁴⁹ Клибанов А. И. Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI в. С. 98–102.

⁵⁰ Рыбаков Б. А. Стригольники (Русские гуманисты XIV столетия). М., 1993. С. 76.

⁵¹ Голубинский Е. Е. История русской церкви. Т. 2. Пол. 2. С. 73.

⁵² Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). С. 521. Прим. 67 (комментарий К. К. Акентьева); Желтов М. С., Правдолюбов С., *прот.* Богослужение Русской церкви X–XX вв. // Православная энциклопедия: Русская Православная Церковь. М., 2000. С. 488.

практики⁵³. По мнению А. Е. Мусина, в соборном правиле 1273 г. отразилась начальная попытка внедрения в русскую богослужебную практику Иерусалимского устава⁵⁴. Служебники и другие рукописи свидетельствуют, что и после собора 1273 г. (в конце XIII—XIV в.) Студийский устав в новгородских храмах, в том числе в Софийском соборе, сохранял свое прежнее значение⁵⁵. О совершении проскомидии диаконом (за исключением участия в богослужении епископа) говорится в ответах 12 августа 1276 г. константинопольского патриарха Иоанна Векка с собором епископов участнику собора 1273 г. сарайскому епископу Феогносту⁵⁶. Как известно, внедрение Иерусалимского устава на Руси началось в конце XIV в., при митрополите Киприане⁵⁷.

Что касается совершения «неосвященными» таких действий в храмах, как освящение приношений, чтение Апостола, вхождение в алтарь, то в приведенных фрагментах источников речь идет не просто о мирянах, а о церковнослужителях, не принявших особое посвящение (руководzenie — хиротесию) от епископа. Такие «полудьяки», «самодьяки» были еще в древней церкви, что осуждалось вселенскими соборами⁵⁸. Тем не менее в России «лица, не имеющие посвящения, но исполняющие церковные должности, связанные с участием в богослужении», так называемые причетники, или дьячки, вплоть до 1869 г. входили в состав духовного сословия⁵⁹. Любопытное свидетельство о непосвященных дьяках в Новгороде содержит Ипатьевская летопись под 6656 (1149) г., где говорится о поддержке на новгородском вече князя Изяслава Мстиславича и готовности горожан идти с ним против киевского князя Юрия Долгорукого: «и паки рекоша новгородци: кн(я)же, ать же поидемъ и всяка д(у)ша, аче и дьякъ, а гоуменце емоу прострижено, а не поставленъ боуде(тѣ) (в Хлебниковском и Погодинском списках: и тѣи поидет, а кто поставлен. — М. П.), а тѣ Б(ог)а молить»⁶⁰. Таким образом, самими новгородцами уже к середине XII в. хорошо различались дьяк, поставленный на свое служение, и дьяк, не прошедший хиротесию. И те, и другие действительно превышали свои полномочия, но это опять-таки было в согласии с усвоенной некогда практикой Церкви, и о каком-либо новгородском новшестве, «программном требовании антицерковной оппозиции» на основании указанных статей речи быть не может⁶¹.

Текст соборных правил, вынесенных на утверждение собора 1273 г. (особенно Введения и 1-го правила), производит впечатление подготовленных заранее, а не составленных во время пребывания митрополита и высшего духовенства во Владимире, когда ими, собравшимися на поставление Серапиона, якобы была получена жалоба на «нестроения» в Новгородской епархии. Отразившаяся в тексте правил информация могла собираться при митрополичьей кафедре целенаправленно и заблаговременно⁶².

При этом следует отметить, что составители «Правил Кюрила» сделали многое, чтобы поддержать архиерейский авторитет. Далмат (и никто из епископов) не был лишен кафедры, в заглавии

⁵³ РИБ. Т. 6. № 4. Стб. 75–78.

⁵⁴ Мусин А. Е. О некоторых особенностях древнерусского богослужения XI—XIII вв. (Церковь Преображения Господня на Нередицком холме в литургическом контексте эпохи) // Новгородский исторический сборник. Вып. 8 (18). СПб., 2000. С. 226, 239.

⁵⁵ Желтов М. С., Правдолюбов С., прот. Богослужение Русской церкви X—XX вв. С. 487. Однако в Спасо-Преображенском соборе Нередицкого монастыря на рубеже XIII—XIV в., как установил А. Е. Мусин по надписям-граффити литургического характера, служба велась уже по Иерусалимскому уставу (Мусин А. Е. О некоторых особенностях древнерусского богослужения XI—XIII вв. (Церковь Преображения Господня на Нередицком холме в литургическом контексте эпохи). С. 225–226).

⁵⁶ РИБ. Т. 6. № 12. Стб. 134.

⁵⁷ Ср. в «Ответах» Киприана игумену Афанасию: «Дьякону нельзе проскомисати: слуга бо есть попу, а не ровень» (Там же. № 32. Стб. 257; см. также: Цшапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII в. С. 190).

⁵⁸ См.: Кормчая. Напечатана с оригинала патриарха Иосифа. М., 1912. Л. 75 об., 188, 214, 221; см. также: Голубинский Е. Е. История русской церкви. Т. 1. Пол. 1. С. 464–465; Т. 2. Пол. 2. С. 90.

⁵⁹ Цыпин В., прот. Духовенство // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. 16. С. 383.

⁶⁰ ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 370.

⁶¹ Еще М. Н. Тихомиров отмечал, что «А. И. Клибанов, вообще говоря, всякие церковные споры готов возводить к антицерковным движениям, хотя в этих спорах очень часто отражаются различные точки зрения по некоторым церковным вопросам» (Отзыв о докторской диссертации А. И. Клибанова «Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI в.» // Тихомиров М. Н. Российское государство XV—XVII веков. М., 1973. С. 302).

⁶² Часть этой информации могла базироваться на личных наблюдениях и впечатлениях Кирилла во время посещения им Новгорода в 1251 и 1256 г. (НПЛ. С. 80, 81, 304, 309).

он назван среди отцов собора. Ставленнические пошлины были ограничены, но не отменялись, и епископ мог быть лишен кафедры не за прежние нарушения, а за превышение впредь установленной суммы; рядовое духовенство освобождалось от бремени иных податей, налагаемых епископом, но на него возлагалась вся ответственность за соблюдение порядка в церквях и за борьбу с языческими традициями в среде мирян, при строгом надзоре главы епархии. Контроль владыки за богослужебной практикой в храмах усиливался, а тем самым появлялся новый инструмент давления на рядовое духовенство.

Сопоставление таких разнородных, но современных друг другу источников, как соборные постановления 1273 г. и новгородская владычная летопись⁶³, показывает, что собор вполне мог иметь политическую подоплеку. Впервые на это обратил внимание тот же П. П. Соколов, попытавшийся связать свою гипотезу об обвинении Далмата с внутривосточной борьбой в Новгороде в начале 70-х годов XIII в.⁶⁴ Выводы П. П. Соколова в настоящее время можно расширить и уточнить.

Несколько предшествующих собору лет в Новгороде не стихала политическая борьба. В 1271 г., после смерти великого князя Владимирского Ярослава Ярославича (в 1269–1270 г. конфликтовавшего с Новгородом), новгородцы с посадником Павшей Ананьевичем избрали князем Дмитрия Александровича Переяславского (ранее, в 1259–1263 г., он был наместником в Новгороде своего отца Александра Невского, в 1268 г. сражался вместе с новгородцами против Ливонского ордена, в 1270 г. в ходе конфликта с великим князем уже приглашался новгородцами, но отказался в пользу своего дяди Ярослава Ярославича). Дмитрий принял приглашение и 9 октября 1272 г. сел на новгородский стол. Не смирившийся с этим новый великий князь Василий Ярославич Костромской взял Торжок и посадил там своих тиунов, а союзные ему тверичи воевали новгородские владения: Волок, Бежицы, Вологду. Был перекрыт подвоз хлеба в Новгородскую землю из Северо-Восточной Руси, что вызвало дороговизну хлеба и угрозу голода. Испытания оказались не по силам новгородцам: во время переговоров в Торжке послов Дмитрия с великим князем в самом Новгороде происходит восстание («възмятошася людие») с целью пригласить на стол Василия. В результате зимой 1272/1273 г. князь Дмитрий Александрович вынужден был уступить новгородский престол Василию Ярославичу и покинуть город. С ним вместе уехал лишенный посадничества Павша Ананьевич, посадником стал Михаил Мишинич, по всей видимости, представитель иной партии⁶⁵.

Источники дают основания предположить, что архиепископ Далмат являлся приверженцем кандидатуры Дмитрия Александровича и не остался в стороне от приглашения его на княжеский стол. С Ярославом Ярославичем у него сложились очень непростые отношения. В договоре Новгорода (от имени всех «старейших» и «менших» в нем выступает посадник Павша) с князем, заключенном в 1268 г., в частности, говорится: «А село святой Софии исправи к святой Софии. А до владыки, отча нашего, гнева ти не держати»⁶⁶. Видимо, Павша, несомненный сторонник Дмитрия Александровича в конце 60 — начале 70-х годов, был единомышленником архиепископа⁶⁷.

В связи с этим находится наблюдение А. Л. Хорошкевич⁶⁸, что составленный в 1270 г. список новгородско-немецких договоров (конца XII в. и 1259–1260 г.) имеет две особенности: вместо печатей посадника и тысяцкого к нему привешена печать «всего Новгорода», причем имеющая на лицевой

⁶³ В настоящее время можно считать установленным существование аналитического (пополняемого записями ежегодно или раз в несколько лет) характера владычного летописания в Новгороде (см., например: *Iunniuc A. A.* К истории сложения текста Новгородской первой летописи: Спорные вопросы текстологии НПЛ // НИС. СПб., 1997. Вып. 6 (16). С. 3–73; *Iunniuc A. A.* К характеристике новгородского владычного летописания XII–XIV вв. // Великий Новгород в истории средневековой Европы: К 70-летию В. Л. Янина. М., 1999. С. 345–364).

⁶⁴ Соколов П. П. Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV в. С. 178–181.

⁶⁵ НПЛ. С. 321–322.

⁶⁶ ГВНП. № 3. С. 13; датировка В. Л. Янина (*Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991. С. 147–150).

⁶⁷ Об этом может свидетельствовать и обращение Павши вместе с боярами к Далмату незадолго до смерти последнего с просьбой назвать преемника на кафедре (НПЛ. С. 322–323).

⁶⁸ Хорошкевич А. Л. О происхождении текста древнейших новгородско-готландско-немецких договоров конца XII и середины XIII в. // Великий Новгород в истории средневековой Европы: К 70-летию В. Л. Янина. М., 1999. С. 132–133.

стороне перед началом надписи крест (символическую инвокацию), и, также впервые, — печать новгородского архиепископа (Далмата), к составлению договора в 1259–1260 г. непричастного. Поскольку список договоров, по мнению А. Л. Хорошкевич, является приложением к «слову» хана Менгу-Тимура, входящего в состав жалованной грамоты князя Ярослава Ярославича рижанам, «роль владыки в политической жизни Новгорода значительно выросла после непосредственного вмешательства монголов во внутреннюю жизнь Новгорода, введение ими числа в 1259 г... Владыка, по-видимому, в 1270 г. выступал в качестве... хранителя общегородского архива, скорее всего, в св. Софии»; сложился союз «всего Новгорода» и архиепископа, документальным свидетельством которого стало создание копий договоров 1191–1192 и 1259–1260 г.»⁶⁹.

Кирилл II был, по всей видимости, убежденным приверженцем владимирского великого княжения как института и поддерживал любого князя, кто бы ни занимал этот стол. В 1269 г. он направил в Новгород послание⁷⁰, в котором грозил новгородцам отлучением в случае, если они откажутся вновь принять князя Ярослава Ярославича, т. е. если посадят на княжение Дмитрия. Недовольство Кирилла в тот период, вероятно, распространялось и на Далмата (которого митрополит, желавший, очевидно, сам определять кандидатов на замещение той или иной кафедры, в 1251 г. поставил в архиепископы лишь «умолен быв новгородци»⁷¹).

Исходя из вышеизложенного можно предположить, что инициатива дискредитации архиепископа Далмата в 1273 г., наиболее вероятно, принадлежала великому князю Василию Ярославичу, не желавшему видеть на новгородской кафедре сторонника своего соперника Дмитрия Александровича и прибегшему к помощи митрополита, как это сделал его брат несколькими годами ранее. Косвенным подтверждением этому служит тот факт, что несомненный сторонник (соратник и будущий зять) князя Дмитрия — псковский князь Довмонт не упоминается в летописях в период, приходящийся на новгородское княжение Василия Ярославича (перерыв в летописных упоминаниях приходится на 1273–1277 г., притом что как до, так и после в качестве псковского князя он упоминается довольно регулярно). По всей видимости, это было связано с принудительным лишением его княжеского стола великим князем⁷².

На проведение и «политические итоги» собора, собранного Кириллом во Владимире не ранее марта 1273 г. (к тому времени, судя по всему, Василий уже занял новгородский стол), вероятно, повлиял ход событий начала этого года. Посадник Павша, покинувший вместе с Дмитрием Переяславским Новгород, бежал из Переяславля в Кострому и «поклонишася» великому князю. Василий Ярославич прибыл в Новгород, и вскоре Павша вновь получил посадничество⁷³. По всей видимости, прощение бывшего посадника великим князем знаменовало собой примирение двух враждующих новгородских партий. Следствием этого было то, что в осуждении новгородского архиепископа необходимость отпала и формулировки заранее подготовленных соборных постановлений получили местами компромиссный характер. Именно в таком виде «Правило Кюрила» было включено в Русскую редакцию Номоканона, отразившуюся при преемнике Далмата архиепископе Клименте (1273/1274–1299 г.) в новгородской пергаменной кормчей.

⁶⁹ Там же. С. 133.

⁷⁰ ПСРЛ. Пг., 1915. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 240.

⁷¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 472. Данное сообщение Лаврентьевской летописи не учел Б. А. Успенский, который пишет: «Мы не знаем, как был избран Далмат; в принципе не исключено, что он был избран митрополитом» (Успенский Б. А. Царь и патриарх. С. 297).

⁷² Благодарю А. В. Кузьмина, указавшего мне на этот период биографии Довмонта. Первая попытка смещения Довмонта великим князем (в то время — Ярославом Ярославичем) приходится еще на 1266 г., вторая, оказавшаяся успешной, но ненадолго — в 1270 г., когда по воле того же великого князя Довмонт был заменен в Пскове литовским князем Айгустом (по всей видимости, это было связано с примирением новгородцев с Ярославом в том же году (см.: Кузьмин А. В. Довмонт. Биография // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. 15. С. 521)).

⁷³ Новгородская первая летопись старшего и младшего извода. С. 322.

